

Эксперт - Ю.С. Воротников, председатель Комитета по политическим технологиям Российской Ассоциации по связям с общественностью

Поговорим о ключевых тенденциях в политической жизни в мировом масштабе.

Цифра. Условия тенденции – это цифра. Политическая деятельность, если брать поведенчески, – это поиск сторонников, распространение идей и, соответственно, поддержка определенных идей или политиков. Цифра сейчас поведенчески позволяет имитировать политику. То есть вместо того, чтобы за кого-то голосовать, можно в «Фейсбуке» просто лайкнуть. Это происходит автоматически: быстро, мгновенно выдавать реакцию. Не дискутировать, не думать, а реагировать по первому впечатлению. Поэтому политические послы становятся проще, их проще сформулированы.

Повышается злободневность, то есть реакция на текущую ситуацию. Снижается роль ценностного ряда, глубинного долгосрочного ряда. Ускоряются процессы принятия политических решений людьми, у них большая эмоциональность восприятия ситуации. То есть доверие и интуиция, а не размышление.

И мое любимое Средневековье. Организация общества в небольшие закрытые группы, которые часто становятся сектами, хоть и открытого типа. По большому счету, я считаю, что мы живем в проторелигиозном обществе, то есть всё становится новой религией. Айфон – это религия, которая определяет инфраструктуру жизни, ценностный ряд. «Фейсбук» – это религия. «Инстаграм» – это религия, которая задает человеку поведенческие шаблоны и организацию жизни.

Убирая рациональное и делая ставку на эмоциональное, политика в принципе исчезает и уступает технологиям?

Да! Но в отдалённой перспективе.

Но это всё-таки еще политика или это технологии уже?

Нет, это еще политика.

В чём она заключается, если речь идет исключительно о том, что люди перестают думать, люди перестают осмысливать и люди исключительно инстинктивно реагируют?

Политика заключается в том, что у людей остаются всё равно запросы. Например, запрос на образ будущего. Отсутствие образа будущего – это вообще мировая тенденция, это не российская проблема. Люди не знают, в каком мире они будут жить даже через год. Особенно «пандемийные» истории, насколько изменилась жизнь. Насколько изменился ценностный ряд.

Например, что такое безопасность, что такое свобода воли. Люди готовы принять ограничения в текущем моменте и не задумываются уже о свободе. Какая свобода? Выжить бы! Это же все возврат к базовым инстинктивным реакциям. Поэтому я согласен с тезисом, что привычная для нас политика, получается, умирает.

Вопрос во взаимодействии с государством, даже уже не с политиками отдельно, а именно с государством. Если раньше мы видели по социологии первые три пункта: рабочие места, здравоохранение, образование. И пока ты не решишь эти три пункта, ты не получишь электоральную поддержку. Сейчас ты имеешь возможность выбора. Можно выбрать из пяти пунктов один, какой-нибудь номер четыре или номер пять, например, благоустройство, реализовать его, а информационно выключить первые три. В этом технологичность?

Да.

То есть выключаются запросы из процесса принятия решений?

Они выключаются из принятия решений и здесь, и сейчас. Люди находятся не в рефлексивной, а в мгновенно инстинктивной реакции, преимущественно. И этим действительно проще управлять.

Какие факторы сейчас определяют развитие политических сил и процессов?

Умение «сёрфить» на политической повестке, скорость донесения сигнала. Канал доставки стал важнее содержания. Если раньше на хорошем содержании можно было игнорировать каналы, то сейчас технологичная системная работа по доставке гораздо важнее того, насколько у тебя «вкусное» содержание. То есть плохой буклет по сбору подписей, которые есть у сборщиков, – это лучше, чем идеальный, которого нет.

Но сейчас, мы видим, рейтинг партии «Единая Россия» напрямую коррелирует с интенсивностью сигнала. Происходит информационный вброс, на следующий день, ровно через день, происходит рост рейтинга. Как только интенсивность сигнала повышается, то сразу вырастает рейтинг. То есть рейтинг стал динамически меняющейся величиной. И это свидетельствует о том, что нужно оставаться у людей на нуле.

А что мешает оставаться на нуле, а за три-четыре дня до выборов стрелкнуть чем-нибудь?

Если у тебя есть достаточная мощность сигнала за три-четыре дня до выборов, то, соответственно, ты получаешь необходимые результаты. Пример прошлого года Навального с его трусами это показывает, то есть буквальная история, которая за две недели резко вырастила протестное настроение людей. Это при том, что не было повального доминирования в информационном поле. А если бы оно было, то можно было бы перевернуть за день-два ситуацию.

Это общие процессы для всего мира или можно разделить европейскую, американскую, азиатскую политику по каким-то основным трендам за последние десять лет?

Какая последняя новость о Трампе, что Вы читали?

Он говорит, что Байден неправильно себя ведет в Афганистане.

Когда это было?

Два дня назад.

Это потому что Вы включены в политику и мониторинг. На самом деле, пример Трампа показывает, насколько легко можно человека вышибить из политической среды. Такая же история была в 50-х или в 60-х годах с одним из сенаторов США, когда все СМИ вступили в сговор и просто перестали его печатать.

Так чтобы его вышибить с политической повестки, потребовалось лет десять или двенадцать, несмотря на общий сговор и умолчание. Из политической жизни он вылетел. Трамп вылетел за один-два месяца. От самого влиятельного человека на планете до изгоя.

Если он «вольёт» деньги сейчас, то снова о нём будут говорить.

Если он получит доступ к каналам доставки, а его «подсекают». Он же попытался поменять «Твиттер» на другую сеть, но ничего всё равно не смог сделать. Его просто перекрыли.

А что тогда говорить про азиатскую систему или европейскую?

То же самое в Китае. WeChat, который стал собственной общенациональной коммуникационной платформой. Они чётко регулируют и новостную повестку, и отношение к ней. Создают тренды несколькими инструментами. Они вышли раньше других в автономию.

Как внезапно оказалось, глобализация стала средством информационной колонизации. Вовсе не средством доставки каких-то бонусов. Фактически, если мы смотрим на глобализацию, на информационную платформу, это же новый вид колонизации, просто он информационный. Страны превращаются в информационные колонии США, даже не Европы.

Китай же не становится.

Китай не становится, потому что выставили китайский файервол. У них это исторически принято, в любой непонятной ситуации – строй стены.

А мы здесь в каком находимся месте?

Мы находимся в махновщине, то есть на задворках информационного мирового пространства.

Почему?

Это такой фронт. С точки зрения информационных технологий до нас что-то доходит, а что-то нет. Это как порох, свинец, соль, табак и так далее были суперценными товарами для фронта американского, то для нас суперценными товарами являются информационные платформы и решения.

Как характеризовать политические настроения в России на данный момент?

Растерянность, отсутствие точек кристаллизации, фантомные боли, то есть давно уже что-то ампутировано, а у нас еще болит. Если мы говорим про коммунистическую идею, её же нет, а люди продолжают голосовать за коммунистов, которые уже не являются коммунистами.

Растерянность, отсутствие понимания, где мы находимся, куда двинемся. Запрос на образ будущего есть, но он зашит глубоко, где-то в подсознании. Людей держат в состоянии 25 кадра, то есть время от времени дают узнавание, потом толчок запугивания, затем опять узнавания. Поэтому политики в России сейчас нет.

В России политика — это не конкуренция идей, не конкуренция запросов, не общественная дискуссия. В России политика — это жесткая отрасль народного хозяйства с распределением средств, с Госпланом, с регулятором, который жёстко управляет тем, как должно получиться.

Избиратели – это исключительно манипулятивный ресурс?

Да.

И как давно это было организовано окончательно?

Процесс-то начался где-то в 2008 году. К 2011 году общество дало реакцию отторжения, а с 2014 года произошла фиксация.

Запрос на политику какой?

Он поведенчески утилизирован. Человек, если хочет найти единомышленников, то это проще сделать в «Одноклассниках», «ВКонтакте», в «Инстаграме», в «Фейсбуке». А если хочет кого-то поддержать, ему проще лайкнуть курьера, который привез ему еду, или таксиста. А если хочет высказать своё мнение и найти себе сторонников, единомышленников, то он превращается в блогера, ему так проще.

Политическая коммуникация, на самом деле, сейчас именно на поведенческом уровне утилизирована цифрой. Это же проще. Зачем блогеру идти на митинги, когда он может подписать петицию в Интернете и сделать какой-нибудь громкий пост по этому поводу, который всех разоблачает. Вот и вся политика! Снят запрос на политическую деятельность.

Это окончательно? Может ли случиться возврат или, в связи с дальнейшей цифровизацией, нет?

Я думаю, что дальнейшая цифровизация приведет к фиксации политики нынешней. И вот тогда теория о мировом правительстве будет воплощена.

В каком виде?

В цифре будет демократия, честное голосование, политические дискуссии, но контролировать будет все хозяин платформы.

В этом смысле что-то традиционное, типа парламента, отомрёт?

В целом все цифровым станет.

Возможно, но цифра не может заменить депутата, то есть к людям должен приходиться человек. Смотреть в глаза, терпеть, когда его осуждают и так далее, разве нет?

А зачем? Сейчас представителем человека является депутат. Он же там сидит и должен представлять интересы человека либо группы, либо бизнеса, либо компании, то есть разных слоев общества. А если это будет платформенное решение, зачем представлять меня, когда я сам могу представлять себя в цифре?

Добрался до нужного мне парламента цифрового. Нужным образом проголосовал, за нужную инициативу. В Нидерландах каждое воскресенье проходит референдум по каким-то вопросам. Они часто местного уровня или регионального, и они уже привыкли к тому, что есть еженедельный формат голосования, а здесь ты можешь принимать участие ежесекундно в прямой демократии. Тебе будут говорить, что она прямая, потому что цифра еще не обладает слабостями человека. Все открыто. Протокол открыт, смотрите, IP все прописаны.

Если спуститься на уровень людей-избирателей, там остается какая-то сегментация по идеологии, по ценностям, по интересам?

Мне кажется, что всё очень сильно смешалось. То есть я постоянно встречаю людей, у которых экономическая повестка правая, а общественная левая. Идеология – это формулировка XX века.

В том числе и для государства?

Да. Что сейчас происходит: неважно, на самом деле, где ты разместишь информационный сигнал - в газете или на портале, в телевизоре и так далее. Я его буду потреблять со своего гаджета. То же самое и с идеологией. Я буду потреблять то, что будет в моем гаджете.

Так в чём заключается работа технолога?

У меня теперь коммуникационная задача. Мне нужно найти человека, пробиться в его ценностный ряд. А потом его поведение поменять таким образом, как мне надо, чтобы ему казалось, что это в его ценностном ряду.

Как ведут себя в этой парадигме разные сегменты избирателей? Кого легче, кого сложнее «переделать»?

Все одинаковы. Моя работа – убедить человека, что это он принял такое решение. Есть тренд на атомизацию, есть тренд на независимость, есть тренд на то, что я не такой, как все.

Смоделируем дальнейшую трансформацию партийно-политической системы страны. Как Вы это видите?

Всё очень просто. Резкая перестройка должна произойти у оппозиционных парламентских партий либо они умрут. На их приободрение, соответственно, запущены сейчас малые новые партии, каждая со своей повесткой, чтобы «потестить» базовую политическую систему. Не вырастить, а дать или оставить базовые тестовые площадки, только для этого. А дальше мы идем в ситуацию, когда государство продолжает быть политическим оператором, а партийная жизнь становится тестовой площадкой для изучения запросов общества.

В системном виде у нас остаётся парламент, в нём меньше партий или что в нём происходит?

У нас и так однопартийный парламент. Есть Совет Думы, который определяет принимаемые ею решения. От какой партии, какая инициатива будет зависеть, сколько времени дадут. Сколько будет чтений в одном законе, принимать с первого или с третьего. Допускать или не допускать дискуссию. Это всё управляемая история.

И что будет дальше?

Всё то же самое будет. У нас надо смотреть не на партию, а на их электорат. За «Единую Россию» голосуют люди, которых в принципе устраивает жизнь. При этом не важно, им хорошо или они смирились, мотивация – «лишь бы не было хуже», «и так сойдёт».

Есть электорат, который голосует за КПРФ, это люди, которых не устраивает, как устроена их жизнь. Есть электорат, который голосует за ЛДПР – это люди, которых в принципе устраивает их жизнь, но они хотят продемонстрировать свое особенное мнение. Вот они и голосуют за тех, кто в парламенте может доносить особое мнение. Есть эсеры, задачу которым ставили партии своих регионов, и она частично выполнена, а все остальные – нишевые партии, отрабатывающие конкретные запросы общества.

Запросы общества или электоральный баланс для выборов?

Нет, именно запросы общества. То есть «Зеленые» будут держаться, пока будет экологическая повестка. «Партия пенсионеров» стремительно выросла после пенсионной реформы. Партия «Новые люди» – это для тех людей, которые говорят: «Да сколько можно уже?! Дайте что-нибудь посвежее. Надоел ваш "тухляк"».

В этом вопросе с точки зрения электоральных групп ничего не изменится. Может быть, поменяются функциями некоторые партии друг с другом. Одни уйдут, придут другие на их место. Электоральная структура в обществе будет сохраняться именно такой.

Например, когда становится больше протестов, растёт либо ЛДПР, либо КПРФ. Почему? Потому что эти не справились, но в целом меня всё устраивает, я проголосую за ЛДПР, чтобы показать ребятам – «вы не туда поехали». Либо меня всё не устраивает, и я голосую за КПРФ, чтобы показать – «ребята, вы мне не ребята».

То есть система гибкая?

Могла бы ещё расти система внутрипартийной дискуссии в «Единой России», там же были платформы. Но для людей это слишком сложно. Люди это воспринимаю иначе. Они думают: «Вы что там, договориться не можете»?

И поэтому нужна модель под разными вывесками, потому что одна у людей в голове не помещается, хотя в жизни это у всех повсеместно встречается в семье, на работе и так далее. Но на стороне мы такое воспринимать не готовы, особенно от тех, кому поручили власть. Они должны быть ясными, понятными, учитывая, что происходит автоматизация и упрощение. Один отвечает за экологию, второй за молодежь, у каждого своя работа.

Людам не нужна политическая конкуренция? Или они хотят ее видеть в том варианте, в каком это представлено в США, в виде красивых съездов, плакатиков и так далее?

Вот и проверим в этом году.

В итоге американская красивая, фестивальная, запрограммированная система обернулась жёстким противостоянием и по идеологическому разлому.

Я вообще не согласен с Вами. Американская политическая система раскололась не идеологически, а по принципу «старые деньги против новых денег». Демократов поддерживают цифровики и прочие, а республиканцы сидят на старом. И в этом смысле весь конфликт, который произошёл, – это как раз старые деньги против новых денег. Идеология здесь как раз – это образ мира, в котором мы хотим жить, потому что старые деньги олицетворяют одну систему, а новые деньги олицетворяют другую систему устройства общества. Но ни правыми, ни левыми, ни консерваторами и ни модернистами их не назовешь. Это скорее разница между двумя сектами иудаизма, между христианством и исламом.

В этом смысле получается, что нет никакого запроса на новую политическую силу, на новую политику, я имею в виду в России?

Есть. Есть запрос на новую жизнь. Молодежь подрастает. Она живет в других коммуникационных инфоформах, там совершенно другой ценностный ряд и другой стиль жизни. Они хотят, чтобы политическая система была такой же понятной, как их жизнь внутри цифры. У нас политическая система образа жизни конца XX века. Они не хотят там жить, хотят просто жить по-другому.

То есть запрос на обновление системы есть, но он не выражается в запросе «а давайте этих всех разгоним», это узкая прослойка самых ярых «навальнистов». Ну и пусть они остаются. Ведь ЛДПР заложило основу обновления своих списков. Коммунисты с этой задачей не справились, они не смогли отреагировать. На ситуативные запросы общества они отвечают, это просто на удержание баланса, работают на устойчивость режима.

Политическая система, пусть и несовершенная, выступала всегда неким клапаном для выпуска пара. А теперь получается, что она еще больше становится искусственной?

Люди чувствуют искусственность в том, что хорошо знают. Это очень важно разделить. Если люди сталкиваются с новыми системами коммуникации, с новыми поведенческими подходами, с увеличением скорости, с тем, что их постоянно помещают в ситуацию незнания, и они, соответственно, скорее будут испытывать выученную беспомощность, чем понимать, что ими манипулируют. Видим, что там изменения происходят без нашей воли и не так, как нам хочется и как мы привыкли, чтобы изменения проходили. А здесь-то мы не привыкли, и мы не знаем, как правильно, здесь мы только учимся.

Есть лёгкий пример: «Инстаграм» структуру поменял в ленте, то есть старую все изучили, поняли, где можно мошенничать (накрутки, подписчики), вносят изменения по манере выдачи, и уже претензий к платформе «Инстаграма» нет. То же самое можно делать и в политике. Можно систему постоянно менять, люди, не привыкшие еще и не втянутые в эту историю, будут заниматься изучением, а не поисками, как правило.

Какое время займёт модификация системы?

Пять лет максимум.

Это уникальная ситуация для России или это так везде?

Везде.

Спасибо.